

ЖЕЛЕЗНОЕ УРОЧИЩЕ

Железное урочище

Денис УСТИНЮК

Железное урочище

«Автор»

2026

Устинюк Д.

Железное урочище / Д. Устинюк — «Автор», 2026 — (Железное урочище)

1982 год, душная московская кухня. Анатолий, тридцатилетний инженер с аналитическим складом ума , делает шаг в оптическую аномалию и оказывается в непролазном лесу. Никакой магии, эльфов или системы прокачки. Только суровая, пропахшая дымом и сырой сталью реальность Древней Руси весны 1185 года. У него нет выдающейся физической силы, золота или оружия. Его единственный капитал - жилетка с мультитулами , терабайтная база исторических знаний в голове и холодный расчет. Чтобы выжить среди язычников и пробиться к правителю в выжженном пожаром Владимире , Анатолий решает использовать грядущее полное солнечное затмение. Его цель - Великий князь Всеволод Юрьевич. Сможет ли человек из XX века, оперирующий понятиями макроэкономики , убедить византийского прагматика изменить ход истории и построить абсолютную империю?

© Устинюк Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Денис Устинюк

Железное урочище

Глава

Крепкий, почти дегтярный индийский чай со слоном остывал в граненом стакане, опривленном в мельхиоровый подстаканник. За окном московской кухни лениво угасал душный августовский вечер тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Анатолий отхлебнул горьковатую жидкость, рассеянно наблюдая, как в сгущающихся сумерках зажигаются желтые пятна уличных фонарей. Мысли его текли плавно и тяжело, подобно глубокой реке. Страна погружалась в летаргический сон эпохи позднего застоя, и математические модели исторических циклов, которые он прокручивал в голове, неумолимо указывали на грядущий системный кризис. Империи не застывают в янтаре, они либо расширяются, либо гниют изнутри. Третьего состояния термодинамика социальных систем не предусматривает.

Он с тихим звоном опустил стакан на стол. В этот момент волоски на его предплечьях встали дыбом.

Воздух на кухне внезапно стал густым, как кисель, и ледяным. Резко запахло озоном — тем самым металлическим, тревожным ароматом, который повисает над асфальтом за секунду до удара молнии. Анатолий медленно обернулся. Прямо между холодильником «ЗИЛ» и кухонной плитой пространство сошло с ума. Оно дрожало и выгибалось, напоминая оптическое искажение над раскаленной жаровней. В центре этой пульсирующей сферы свет преломлялся под невозможными углами, закручиваясь в воронку. Словно гравитационная аномалия из произведений братьев Стругацких материализовалась в типовой советской квартире.

Инстинкт самосохранения буквально вопил, требуя немедленно покинуть помещение. Но чистый, кристаллизованный исследовательский интерес оказался сильнее животного страха. Анатолий сделал шаг вперед. Мозг уже лихорадочно просчитывал варианты: шаровая молния нестандартного спектра? Спонтанный пробой пространственно-временного континуума? Он протянул руку, желая лишь оценить температурный градиент на границе искажения.

Пальцы коснулись невидимой преграды, и в тот же миг пространство схлопнулось.

Не было ни вспышки, ни грохота. Только тошнотворный рывок, выбивший воздух из легких, и абсолютная, глухая тьма. Сознание погасло быстрее, чем нервная система успела зафиксировать боль.

Возвращение к реальности началось с острого тактильного раздражителя. Что-то мелкое, но безжалостное впилось в открытую шею. Анатолий рефлекторно хлопнул себя ладонью по коже. На пальцах остался влажный след. Комар. Обычный, биологически тривиальный кровосос.

Он резко открыл глаза и тут же зажмурился от рези. В нос ударил густой, первобытный запах оттаявшей сырой земли, прошлогодней прелой листвы и набухающих почек. Никаких ноток выхлопных газов, нагретого асфальта или городской пыли. Воздух был пугающе чистым и по-весеннему резким. Анатолий осторожно сел, ощупывая себя. Очки в массивной роговой оправе чудом удержались на переносице. Та самая жилетка, сшитая на заказ и отягощенная десятками карманов с инструментами, мультитулами, лупами и зажигалками, привычно давила на плечи. Физическая целостность организма не нарушена.

Значит, первый вывод: это не посмертная галлюцинация. Христианский рай вряд ли пахнет сырым мхом, а ад должен предполагать более высокие температуры и наличие сернистых соединений в атмосфере.

Он осмотрелся. Вокруг стеной стоял первозданный, непролазный смешанный лес. Могучие стволы дубов и вязов еще не обзавелись плотной кроной — ветви лишь подернулись нежной, салатовой дымкой проклевывающейся листвы. Сквозь это редкое кружево пробивался бледный свет — судя по углу падения лучей, близился рассвет или сгушались сумерки.

Анатолий принудительно замедлил дыхание, подавляя всплеск адреналина. Паника — контрпродуктивная реакция, ведущая к нерациональным тратам энергии. Нужно структурировать данные. Температура среды — около десяти-двенадцати градусов по Цельсию. Земля влажная, воздух стылый, но уже без зимней злобы. Весна. По всем биологическим признакам — конец апреля. Невероятное, статистически ничтожное везение. Окажись он в глухом сугробе при минус двадцати градусах в этой же одежде, период его выживания измерялся бы несколькими часами. Сейчас же, несмотря на пробирающий до костей весенний озноб, у него есть запас прочности.

Он поднялся на ноги, хрустнув суставами. Проверка карманов. Тяжесть привычного арсенала успокаивала лучше любого транквилизатора. Огниво, складные ножи, моток крепкого шнура, миниатюрная аптечка — все на месте. Материальные ресурсы сохранены. Но где он? И, что гораздо важнее с точки зрения теории вероятностей — когда?

Звуковой фон леса был естественным. Щебет птиц, шелест ветра в ветвях. Отсутствовал низкочастотный гул цивилизации, который человек двадцатого века перестает замечать, но который фоном присутствует за десятки километров от любого крупного города. Не было гула высоковольтных линий, не доносился шум моторов.

Новая вводная: полная изоляция от индустриального общества.

Анатолий поправил очки и прищурился. Сквозь хитросплетение ветвей, там, где лес казался чуть менее густым, подрагивало слабое оранжевое пятно. Источник света, обладающий переменной интенсивностью. Костер. А где огонь, там и разумная жизнь, способная к его поддержанию.

Мозг выдал очередное логическое построение: контакт с аборигенами неизбежен, но требует максимальной осторожности. Люди вдали от цивилизации склонны к ксенофобии. Его внешний вид — борода, странная многокарманная одежда, очки — вызовет когнитивный диссонанс у любого неподготовленного наблюдателя.

Тяжело ступая ботинками по мягкому мху и стараясь не ломать сухие ветки, он двинулся на свет. Запах горящего дерева становился отчетливее. Это был аромат чистых дров, без химических примесей сгорающего пластика или резины, что только подтверждало теорию об отсутствии поблизости современной свалки.

Вскоре между деревьями мелькнули силуэты. Анатолий замер за широким стволом дуба, сливаясь с тенью. Огонь освещал небольшую поляну. Вокруг костра сидели люди. Но их одежда, грубо выделанные шкуры вперемешку с посконными рубахами, блеск металла, похожего на кустарно откованное железо, и полное отсутствие синтетических материалов заставили аналитический ум на секунду зависнуть.

Это была не ролевая игра. Грязь на их лицах, вьедшаяся в морщины, и звериная настороженность в позах кричали о подлинности происходящего.

История, о судьбах которой он размышлял на уютной московской кухне каких-то полчаса назад, перестала быть абстрактной наукой. Она смотрела на него из темноты дикого леса, пропахшая дымом, немывыми телами и сырой сталью. И к этой истории нельзя было применить формулы — в ней нужно было выжить. Анатолий медленно опустил руку в карман, нащупывая холодный металл зажигалки. Если придется доказывать свою полезность этому миру, он начнет с магии огня.

Анатолий не успел даже нащупать рифленое колесико зажигалки. Иллюзия его акустической невидимости разбилась вдребезги вместе с ударом, обрушившимся на плечи.

Кто-то тяжелый, пахнувший застарелым потом, дегтем и сырой овчиной, рухнул на него прямо с нижних ветвей раскидистого вяза. Удар под колени лишил равновесия. Земля больно ударила в скулу, в рот набилась сухая хвоя и прелая земля. Воздух со свистом вылетел из легких. Чьи-то жесткие, мозолистые пальцы мгновенно заломили руки за спину. Колени придавили позвоночник с такой силой, что перед глазами поплыли радужные круги.

Короткая вспышка адреналина тут же захлебнулась в физической беспомощности. Кабинетный ученый из двадцатого века, чей спортивный опыт ограничивался шахматами и редкими пешими прогулками, оказался абсолютно не готов к первобытной рукопашной.

Его рывком поставили на колени. Запястья уже стягивала грубая веревка. Мозг, несмотря на шок, машинально зафиксировал фактуру: натуральная пенька, скрутка ручная, без фабричной пропитки, ворсинки больно режут кожу. Очки чудом удержались на одном ухе, мир перекосялся и потерял резкость. Анатолий судорожно дернул головой, пытаясь вернуть оправу на переносицу, и получил тяжелую затрещину.

— Не мычи, соглядатай, — прохрипел над ухом грубый голос, в котором отчетливо слышался тягучий, незнакомый акцент, изобилующий полногласиями и странными интонациями. Но это был несомненно русский язык. Его древняя, неочищенная от архаизмов версия.

Городской житель, возомнивший себя невидимым ниндзя. Анатолий мысленно усмехнулся собственной наивности, выплевывая горькую землю. Его шаги по сухим веткам, которые казались ему тихими, для этих людей звучали как марш духового оркестра. Он обнаружил себя задолго до того, как увидел свет их костра.

Сильные руки подхватили его под мышки, сменяя бесчисленные карманы его жилетки, и потащили к свету. Бросили на землю уже у самого огня. Жар костра ударил в лицо. Анатолий заморгал, поправляя связанными руками съехавшие очки, и наконец смог сфокусировать зрение.

Перед ним стояли шестеро. Никаких романтизированных славянских витязей в сияющих кольчугах. Это были изможденные, жилистые люди в грязных льняных рубахах до колен и кожаных портах. На шеях у некоторых блестели медные амулеты — солярные символы и фигурки зверей, никаких крестов. Оружие — топоры на длинных топорищах да короткие ножи. Взгляды темные, затравленные и одновременно хищные. Так смотрят волки, загнанные флажками.

— Поповский лазутчик, — выплюнул один из них, приставляя острие ножа к кадыку Анатолия. Сталь была холодной и пахла ржавчиной. — Высматриваешь, где мы требу Перуну кладем? Кто послал? Чернецы из города?

Анатолий сглотнул. Лезвие слегка оцарапало кожу. Ситуация требовала немедленной вербальной интервенции. Любое промедление при низком уровне эмпатии в средневековом социуме ведет к летальному исходу.

— Я не шпион, — произнес он, стараясь говорить медленно и четко, избегая современных терминов. — Я просто путник. Заблудился в лесу. Ни за кем не следил. Шел на свет вашего огня, чтобы попросить помощи.

— Путник? — переспросил человек с ножом и криво усмехнулся, обнажив гнилые пеньки зубов. — В лесу ночью добрые люди не бродят. А порты на тебе бесовские, нитей не видать, карманов без числа. Верно поп тебя снарядил, шептуна. Резать надо, пока дружину не навел.

Он замахнулся, но чужая сухая рука перехватила его запястье.

К костру шагнул высокий старик. Его седая борода спускалась почти до пояса, а поверх грубой рубахи был накинута волчий мех. В отличие от остальных, в его выцветших голубых глазах не было животной ярости. В них светился холодный, пронизательный ум. Верховный волхв, лидер общины язычников, вытесненных набирающим силу христианством в глухие леса.

Старик присел на корточки перед Анатолием. Цепко оглядел плотную ткань жилетки, странные ботинки на толстой резиновой подошве. Протянул руку и осторожно коснулся стекла очков. Анатолий замер, стараясь дышать ровно.

— Чудные на тебе вещи, путник, — медленно проговорил старик. — И глаза в стеклянную броню закованы. Говоришь, не лазутчик?

— Клянусь, — твердо ответил Анатолий. — Я не имею отношения к вашим священникам. Я издалека. Очень издалека.

Волхв долго смотрел ему в глаза, словно пытаясь прочесть мысли. Затем перевел взгляд на его обрюзгшую фигуру, на тяжелое, непривыкшее к физическому труду тело, на сбитое от страха и бега дыхание. Тишину леса нарушало только потрескивание сучьев в костре.

Старик вдруг коротко, сухо рассмеялся и убрал руку от лица пленника.

— Опустит нож, Добран, — бросил он своему воину, поднимаясь. — Не присылали за нами чернецы этого человека.

— Отчего же, отче? — нахмурился тот.

— Оттого, — волхв презрительно кивнул на Анатолия, — что никто в здравом уме не пошлет в ночной лес такого увальня. Он же топает, как слепой лось в буреломе, и дышит так, что за версту слышать. Мешок с требухой, а не соглядатай. Церковники хитры, они бы прислали тень, а не медведя, который даже собственное пузо несет с трудом.

Воины у костра негромко загоготали, опуская топоры. Напряжение спало, уступив место грубому деревенскому презрению.

Первый вывод в новой реальности был сделан. Анатолий мысленно выдохнул, чувствуя, как холодный пот струится по спине. Его физическая неподготовленность, избыточный вес и полная нелепость облика только что спасли ему жизнь. В этом жестоком мире прагматика преобладала над паранойей: тот, кто выглядит смешно и жалко, не может представлять угрозы. Теперь главное — не разрушить этот спасительный образ, пока он не поймет, как конвертировать содержимое своих многочисленных карманов и свою феноменальную память в инструмент власти.

Жар от костра ощутимо припекал левую щеку, контрастируя с ночной сыростью, тянущей по ногам. Анатолий осторожно пошевелил затекшими плечами. Грубая пенька больно впиалась во вспотевшие запястья, пульсация крови в пережатых венах отдавалась глухим гулом в ушах. Запах немых тел, сырой овчины и кислого пота смешивался с горьким дымом горящих сосновых веток.

Волхв снова присел у огня, скрестив ноги. Его взгляд, цепкий и по-звериному внимательный, медленно скользил по пленнику, изучая странный крой жилетки, матовый отблеск пуговиц, толстую рифленую подошву городских ботинок.

— Раз не шпион, то кто таков? — голос старика звучал ровно, но Анатолий улавливал в нем напряжение сжатой пружины. — Как звать тебя, путник? И пошто один в глухую полночь по лесу шатаешься, лешему на потеху?

Мысль Анатолия заработала на предельных оборотах, просеивая варианты. Социальная инженерия в условиях раннего средневековья не прощает ошибок. Сказать правду? Немедленно объявят одержимым бесами и забьют камнями или предадут огню. Назваться заморским купцом? Потребуют показать товары, спросят о пути, а его специфический выговор не совпадет ни с одним из известных им языков торговцев. Нужна универсальная легенда, не требующая документальной и фактологической верификации.

Вывод сформировался мгновенно: ретроградная амнезия. Потеря памяти — идеальный социальный щит. В средневековой парадигме человек, лишенный рассудка или прошлого, часто воспринимается как тронутый богами. Юродивый. Блаженный. К таким относятся с брезгливой жалостью или мистическим опасением, но убивают редко — нет политической или экономической целесообразности.

Анатолий опустил голову, позволяя тяжелым плечам безвольно поникнуть, и изобразил на лице глубочайшую, экзистенциальную растерянность.

— Анатолий... — хрипло произнес он свое настоящее имя. Вполне приемлемо, звучит на византийский манер, слух местных резать не должно. — Зовут меня Анатолий. А вот как я здесь оказался...

Он тяжело вздохнул и, насколько позволяли связанные руки, попытался дотронуться до головы, имитируя фантомную боль.

— Не помню. В голове словно туман болотный. Помню, что шел в город. Должен был прийти до заката. А в какой город... зачем шел... как отрезало. Пустота.

Волхв прищурился. В багровых отблесках пламени его морщинистое лицо казалось вырезанным из мореного дуба. Старик взял длинную сучковатую палку и лениво поворошил угли. Вверх метнулся сноп золотистых искр, в нос шибануло запахом паленой смолы.

— В город, говоришь? — старик недоверчиво хмыкнул. — В лесу бес попутал, разум отнял? Бывает. Лес чужаков не жалует. Оморочит, закружит, а поутру только кости волкам оставит.

Старик явно сомневался, но зерно легло в благодатную почву. Суеверный страх перед лесной чертовщиной здесь был сильнее логики.

Анатолий решил ковать железо, пока оно раскалено. Лучшая форма защиты — это встречный сбор информации. Ему жизненно необходимы пространственно-временные координаты. Без них он — слепой котенок в мясорубке истории.

— Отче, — Анатолий намеренно использовал уважительное, но теологически нейтральное обращение. — Раз уж я жив благодаря твоей милости... Скажи мне, где я? Чьи это земли? Кто правитель здесь? Может, услышу название города или имя князя, и разум мой прояснится.

Люди у костра переглянулись. Воин с ножом, тот самый, что едва не перерезал Анатолию горло, громко фыркнул и звучно сплюнул в огонь. Капля слюны с шипением испарилась на углях.

— Воистину дурковатый мешок, — буркнул он, убирая клинок за пояс. — Своей земли не признать.

Волхв поднял сухую ладонь, призывая сородича к тишине. Его холодные голубые глаза неотрывно смотрели на пленника.

— Земля это Залесская, путник без прошлого, — медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, произнес старик. — А город, до которого ты не дошел, всего в половине дня пути отсюда. Владимир. Правит там князь Всеволод Юрьевич.

Исторический пазл в голове Анатолия сложился с оглушительным щелчком, перекрывшим треск поленьев.

Владимир. Князь Всеволод Юрьевич. Большое Гнездо.

Вторая половина двенадцатого века. Конец тысяча сто семидесятых или начало восьмидесятых годов. До того момента, когда монгольские тумены Батые превратят эти леса в пепелище, остается чуть больше полувека.

Волхв коротко, пренебрежительно махнул сухой рукой. Тот самый воин с ножом, недовольно скривившись, шагнул за спину Анатолия. Городской инстинкт подсказал, что сейчас холодная сталь эффектно полоснет по путам, как в кинематографе двадцатого века, но суровая макроэкономика раннего средневековья диктовала иные законы. Крепкая, вручную свитая пеньковая веревка была здесь слишком ценным, трудозатратным ресурсом, чтобы портить ее лезвием ради экономии времени и удобства какого-то лесного бродяги.

Воин со злобным сопением убрал нож за пояс и принялся остервенело распутывать стянутые узлы, грубо ломая ногти и то и дело больно дергая Анатолия за вывернутые плечи. Наконец, жесткая ворсистая скрутка ослабла и с шорохом упала на прелую землю.

Кровь, пульсируя, хлынула в пережатые кисти рук, отозвавшись мучительной резью и роем фантомных иголок. Анатолий со стоном прижал запястья к животу, машинально растирая глубокие багровые борозды на коже. Физиологический дискомфорт был колоссальным, но этот мелкий эпизод с веревкой дал ему еще одну крупницу понимания нового мира: здесь ничего не выбрасывают и ничего не уничтожают просто так. Прагматизм возведен в абсолют. Но он заставил себя не отворачиваться от старика.

— Куда ему бежать в ночи, — усмехнулся волхв, глядя на неуклюжие попытки пленника восстановить кровообращение. — Лес таких неповоротливых быстро забирает. Глазом моргнуть не успеет, как в волчьем брюхе окажется. Стереги его, Радим. А поутру решим, что с этим лесным чудом делать.

Старик навис над Анатолием, и сквозь запахи костра внезапно пробился тяжелый, затхлый дух старости и сухих трав.

— Сиди тихо, путник без памяти. И глупостей не делай. Жизнь твоя здесь не дороже снега зимой. Никто и не хватится.

Анатолий молча кивнул. Метафора была предельно точной. Базовая ценность человеческой жизни в двенадцатом веке равнялась нулю. Гуманизм еще не изобрели, Декларацию прав человека напишут через шесть столетий, а пока демографический ресурс измерялся исключительно пригодностью к физическому труду или войне. Ни к тому, ни к другому рыхлый интеллект из двадцатого века был не способен. По местным меркам он являлся бракованным биологическим материалом.

Один из язычников, тот самый Радим, тяжело опустился на поваленное бревно в нескольких шагах от пленника, положив на колени топор. Остальные начали укладываться прямо на землю, подстилая грубые шкуры. Костер постепенно прогорал, подергиваясь седым пеплом. Ночная сырость поползла по ногам, пробираясь сквозь ткань брюк.

Анатолий прикрыл глаза, имитируя покорный сон, а его мозг, получивший наконец передышку от адреналиновых скачков, начал выстраивать системную архитектуру выживания.

Текущая диспозиция катастрофична. Он находится в руках маргинальной религиозной группы. Язычники в конце двенадцатого века — это эволюционный тупик. Государственная машина и православная церковь неумолимо выдавливают их на периферию ойкумены. Остаться с ними — значит сгнить в землянке от пневмонии или, что еще вероятнее, стать ритуальной жертвой Перуну при ближайшем неурожае. Этот вектор ведет в никуда.

Следовательно, единственная точка спасения — это административный центр. Город Владимир. Ставка князя Всеволода. Только там есть ресурсы, инфраструктура и люди, принимающие геополитические решения. Ему нужен доступ к правителю.

Но как преодолеть колоссальную социальную пропасть?

Анатолий мысленно усмехнулся, почувствовав, как ноет ушибленная скула. В средневековом обществе социальная мобильность отсутствует как класс. Если странно одетый, невнятно бормочущий толстяк приблизится к дубовым воротам княжеского детинца, стража в лучшем случае спустит на него собак, в худшем — посадит на вилы ради забавы. Законы гостеприимства здесь не распространяются на подозрительных бродяг. Чтобы поговорить с властелином всей Киевской Руси, мало просто постучать в дверь. Нужен пропуск.

Каким активом он располагает? Физической силы нет. Золота нет. Оружия нет. Содержимое карманов жилетки — зажигалки, мультитулы, лупы — это тактические инструменты, они хороши для фокусов, но не для системного диалога с властью. За фокусы здесь сжигают на кострах.

Его единственный подлинный капитал — информация.

Чтобы Всеволод Большое Гнездо не просто выслушал его, а сохранил ему жизнь и дал статус, Анатолий должен предстать не чужаком, а ресурсом абсолютной, невозполнимой цен-

ности. Ему нужно чудо. Причем чудо, легитимное в глазах средневекового христианина. Не магия, от которой разит серой, а божественное провидение.

Память начала сканировать хронологические таблицы второй половины двенадцатого века. Войны, княжеские съезды, эпидемии, неурожай. И главное — астрономические явления. То, что невозможно подделать, но можно предсказать с точностью до минуты, если ты знаешь небесную механику.

Где-то в темноте гулко ухнула сова. Анатолий плотнее запахнул жилетку, пряча замерзшие руки в глубокие карманы. План начинал обретать математическую стройность. Завтра утром ему предстоит первая дипломатическая игра. Он должен убедить этих лесных дикарей не просто отпустить его, а довести до городских ворот. А для этого придется сыграть на их собственных страхах.

Холод пробирался под плотную ткань жилетки, заставляя Анатолия мелко, противно дрожать. Земля под ним вытягивала тепло с безжалостностью физического закона. В нескольких шагах грузно похрапывал Радим, так и не выпустив из рук топориче, а над поляной висел густой, удушливый запах остывающей золы. Анатолий закрыл глаза, перебирая варианты с методичностью шахматного компьютера, оказавшегося на грани мата.

Первая мысль была самой очевидной — технологический шок. В левом нижнем кармане мирно покоилась бензиновая зажигалка, а в правом — мощный диодный фонарик. Стоит поутру высечь пламя из металлической коробочки или ударить в лица дикарей ослепительным лучом света, как они падут ниц. Но холодный рассудок немедленно забраковал эту идею. Язычники двенадцатого века не мыслят категориями научной фантастики. Для них непонятный источник света — это не чудо, а проявление враждебной нави, темной магии. Испуганный средневековый человек не поклоняется демону, он бьет его рогатиной издали или забрасывает камнями. Демонстрация технологий прямо сейчас — это гарантированный смертный приговор.

Затем мозг подкинул идею эпидемиологического блефа. Можно закатить глаза, пустить пену изо рта и объявить, что на нем лежит печать страшного мора. Сказать, что любой, кто прольет его кровь, покроется черными язвами, а племя вымрет до последнего младенца в мучительной агонии. Страх перед болезнью здесь был абсолютным. Однако и этот вектор имел критический изъян. Если они поверят в проклятие, то не поведут его в город. Они просто забьют его длинными жердями, не касаясь руками, и сбросят труп в ближайшее болото, от греха подальше.

Следовательно, магический и биологический страхи отпадают. Оставался третий, самый надежный инструмент управления — страх политический.

Кого эти лесные изгои боятся больше, чем лешего или гнева Перуна? Того, кто реально загоняет их в глухие чащобы. Вооруженной, закованной в железо государственной машины. Княжеской дружины Всеволода.

Анатолий приоткрыл один глаз, наблюдая за спящим лагерем. План выстроился в идеальную логическую цепочку. Завтра утром он не станет молить о пощаде и не будет угрожать магией. Он продолжит играть роль блаженного юродивого, но добавит в нее смертельно опасный для язычников нюанс. Он скажет волхву, что христианский Бог лишил его памяти, но вложил в его уста пророчество лично для князя Большое Гнездо. И что сам князь, получив знамение свыше, уже выслал конные разьезды во все стороны искать потерянного в лесах пророка.

Это идеальная социальная ловушка. Если язычники убьют его, то княжеские гончие, прочесывая лес, найдут труп. И тогда карательная экспедиция вырежет общину до последнего человека за убийство божьего вестника. Но если они просто укажут ему тропу к городу, они отведут от себя удар христианского меча. Им не нужно ему верить. Им достаточно просто усомниться. В условиях теории игр, цена ошибки для них при его убийстве становится неприемлемо высокой, а цена сохранения ему жизни не стоит им ничего.

Анатолий плотнее прижал колени к груди, пряча озябшие кисти рук в глубокие карманы жилетки, и заставил себя провалиться в тяжелый, беспокойный сон. Промерзшая земля упрямо вытягивала из него последнее тепло, но измотанный стрессом организм требовал немедленной перезагрузки.

Пробуждение оказалось резким и унизительно болезненным. Тупой удар в ребра выбил из легких остатки согретого воздуха. Анатолий судорожно глотнул сырой утренний туман, густо пахнувший прелой хвоей и остывшей золой, и распахнул глаза. Прямо над ним возвышался человек волхва. Язычник презрительно кривил губы, а носок его грубого кожаного сапога, обмотанного ремешками, красноречиво свидетельствовал о способе побудки.

Лес тонул в блеклом, сизом мареве рассвета. Холод пробрался до самых костей, суставы скрипели, словно несмазанные шестерни ржавого механизма. Анатолий неуклюже, кряхтя от боли в ушибленном боку, поднялся на ноги и отряхнул влажные брюки от налипшей грязи. Ум, сбросив остатки сна, мгновенно восстановил вчерашнюю расстановку сил. Время для политического блефа пришло.

Волхв стоял у потухшего костра, кутаясь в свой волчий мех. Его бледные, выцветшие глаза внимательно и холодно изучали пленника.

— Мне нужно во Владимир, отче, — голос Анатолия прозвучал хрипло от ночной сырости, но совершенно твердо. — К князю Всеволоду.

Он выпрямился, выдерживая колючий взгляд старика, и пошел ва-банк.

— Я не помню своего прошлого и не знаю, кто я. Но в моей голове бьется только одна мысль, вложенная туда свыше: я должен предстать перед князем. Если я не дойду до его терема, на эту землю падет великая кровь, а те, кто меня задержал, первыми лягут под мечи княжеской дружины.

Это была классическая социальная ловушка. Идеальный конструкт, основанный на страхе маргинальной группы перед репрессивной государственной машиной. Однако уровень критического мышления у лидера язычников оказался значительно выше прогнозируемого.

Сухие, потрескавшиеся губы старика раздвинулись в откровенно насмешливой улыбке. Он издал тихий, шелестящий смешок, опираясь узловатыми пальцами на свой посох.

— Хитер ты, мешок с трбухой, — покачал головой волхв. — Ох, хитер. Думаешь, испугался я твоих речей? Поверю, что сам князь спит и видит, как бы лесного бродягу в свои белокаменные палаты пустить? Не верю я тебе, путник. Ни единому слову твоему складному не верю.

Старик повернул голову и со смаком сплюнул в серый пепел кострища.

— Но и убивать не стану. Зачем кровь попусту лить? Лес и так сыт, костей в нем хватает, без твоих обойдется. Радим выведет тебя на тракт, а там ступай своей дорогой, Анатолий. Хоть к князю на посмешище, хоть волкам в зубы. Твоя воля. Может, еще и свидимся.

Анатолий мысленно выдохнул. Мышцы, сведенные судорогой напряжения, начали расслабляться. Прагматика этого сурового мира снова победила паранойю: убивать безоружного толстяка было просто нерентабельно, а тратить скудные запасы еды на его содержание — бессмысленно.

Волхв отвернулся, собираясь отдать приказ своим людям собирать стоянку, но вдруг замер. Воздух на поляне словно стал плотнее, звуки утреннего леса отошли на задний план.

— Но раз уж ты называешь себя человеком, несущим весть... — голос старика потерял насмешливые нотки, стал глухим и пугающе тяжелым. Он обернулся и посмотрел Анатолию прямо в глаза. — Раз уж сам в княжеский удел идешь... Дай мне совет. Что ждет нас? Тех, кто прячется в этих чащобах от креста и меча?

Анатолий замер. Его феноменальная память, натренированная десятилетиями скрупулезной работы с историческими монографиями, мгновенно выдала демографическую и социальную сводку по региону Залесья на конец двенадцатого века. Он точно знал, что произойдет

с этими людьми. Он знал их будущее с абсолютной погрешностью математической формулы. Христианизация, централизация власти, вырубка лесов под пашни, полное уничтожение языческого уклада.

Истинное пророчество не нуждается в театральных эффектах. Самая страшная магия в этом мире — это безэмоциональное, ледяное знание объективных исторических процессов. И сейчас ему предстояло впервые использовать это оружие.

Анатолий поправил тяжелую роговую оправу очков, съехавшую на влажную от утреннего тумана переносицу. Сизая дымка змеилась между черными стволами вековых дубов, скрадывая звуки и пропитывая одежду ледяной сыростью. Старый волхв стоял напротив, плотнее запахивая на впалой груди жесткий волчий мех, и ждал. В его выцветших глазах не было веры, но билось отчаянное, звериное желание выжить.

— Железо, — хрипло произнес Анатолий, и это короткое слово упало в тишину леса, как тяжелый камень. — Ваше спасение — это железо.

Брови старика сошлись на переносице. Он перехватил узловатыми пальцами свой сучковатый посох, словно защищаясь от непонятных слов.

— Князю Всеволоду предстоят долгие годы войн, — продолжил Анатолий. Его мозг уже оперировал терминами макроэкономики и военно-промышленного комплекса, но языковой аппарат лихорадочно подыскивал понятия, доступные жителю двенадцатого века. — Ему придется ломать боярскую вольницу, биться с соседями, держать границы. Его дружина будет расти. Ей понадобятся сотни, тысячи мечей, наконечников для копий, кольчуг и подков. А железа всегда не хватает.

Волхв недовольно скривился и глухо кашлянул, сплевывая в пожухлую траву.

— Мы лесные люди, путник. Охотники да бортники. Мечи куют в городах, под княжьем глазом. К чему ты плетешь эти сети?

— К тому, отче, что в самых непроходимых топях, куда не сунется ни один княжеский мытарь, под слоем мха и торфа лежат тяжелые пласты ржавой земли. Болотной руды. Кричного железа.

Анатолий сделал шаг вперед, игнорируя тупую боль в отбитых ребрах. Запах прелой листвы смешался в его восприятии с фантомным запахом раскаленного металла.

— Уходите в самые глухие болота. Но не прячьтесь там, как мыши под веником. Копайте руду. Жгите древесный уголь и плавьте металл. Станьте главным ручейком, из которого пьют княжеские кузницы.

— Безумец, — прошипел старик, и его глаза сверкнули гневом. — Едва над топями поднимется дым наших печей, княжьи псы придут по нашему следу. Они увидят наши капища. Они вырежут нас за то, что мы не кланяемся их кресту!

Анатолий глубоко вдохнул влажный воздух. На языке вертелись слова «стратегический ресурс» и «винтик в государственной машине», но он вовремя прикусил губу. Идеи нужно упаковывать в правильный интерфейс.

— Не вырежут, — жестко оборвал его Анатолий. В его голосе зазвучал металл абсолютной уверенности. — Любой правитель, даже самый ревностный христианин, всегда закроет глаза на чужих богов, если эти боги куют силу для его войска. Это закон любой власти. Когда вы принесете князю первые подводы дешевого железа, он сам прикажет своим дружинникам ослепнуть и оглохнуть, проезжая мимо ваших лесов. Хозяин не засыпает землей колодец, который поит его коней в засуху. Вы станете для него таким колодцем. Медведь не ломает колоду, если пчелы сами несут ему мед.

Одна простая истина четко отпечаталась в сознании: экономическая целесообразность переводится на любой язык, от первобытного до современного. Прагматика бьет фанатизм всегда и везде.

Волхв замолчал. Тишину нарушало лишь тяжелое дыхание спавшего неподалеку Радима да редкие капли росы, срывающиеся с веток. Старик смотрел на грузного, нелепого чужака в странной одежде, и в его взгляде презрение медленно сменялось суеверным ужасом пополам с жадным интересом. Этот бродяга не кликушествовал. Он говорил так, словно уже держал судьбу княжеств в своих пухлых, непривычных к труду руках.

— Мы не умеем ставить большие печи, путник, — наконец глухо произнес волхв. В этой короткой фразе прозвучала безоговорочная капитуляция. — Наш металл хрупок, как сухой лед, а горны малы.

— Я научу, — кивнул Анатолий. Он машинально сунул замерзшие руки в карманы жилетки, нащупывая гладкий пластик зажигалки. — Я знаю, как строить высокие печи из огнеупорной глины. Знаю, как заставить реку крутить колесо, чтобы оно двигало меха, и огонь ревел, как сказочный змей, выжигая из руды всю скверну. Но сначала я должен войти во Владимир. Я должен стать тем, кто встретит ваши подводы у княжеского двора. Мне нужен доступ к правителю.

Старик долго смотрел на угасающие угли костра, словно пытаясь разглядеть в них то самое жаркое, раскаленное будущее, о котором говорил чужак. Густой туман обволакивал их фигуры, отрезая от остального мира.

— Слова твои чудны, Анатолий, — медленно проговорил волхв, поднимая тяжелый взгляд. — Звучат они не как человеческая речь, а как лязг кузнечного молота по наковальне. Холодно и страшно. Но в них есть жизнь.

Старик отвернулся, шагнул к спящему воину и с силой ткнул его концом посоха в ребра. Радим подскочил, ошалело хлопая глазами и непослушными пальцами хватаясь за топориче.

— Просыпайся. Выведешь лесного дурня на тракт, что к стольному граду ведет, — бросил волхв, не глядя на воина. Затем он снова повернулся к Анатолию. — Иди к своему князю. Ищи свою власть. Я не забуду этот уговор. Когда я все обдумаю, и когда в топах осядет первый снег... я найду тебя. Если, конечно, тебя не вздернут на воротах раньше.

Сделка была заключена. Анатолий почувствовал, как по напряженной спине прокатилась волна облегчения, смешанного с ледяным азартом. Первый, самый грубый кирпич в фундамент его будущей империи был заложен здесь, на грязной лесной поляне. Оставалось самое сложное — выжить на пути к престолу.

Лес неохотно, словно нехотя, выпускал их из своего сырого, цепкого чрева. Мокрые еловые лапы то и дело норовили хлестнуть по лицу, сбивая тяжелую роговую оправу очков. Анатолий тяжело, с присвистом дышал. Городской житель из конца двадцатого века, привыкший к асфальту и кабинетам, с трудом поспевал за легким, скользящим шагом лесного охотника. Тяжелая жилетка, впитав утреннюю росу, казалась теперь свинцовой кирасой, а толстая рифленая подошва современных ботинок, идеальная для городского снегопада, предательски скользила на раскисших от росы мшистых корнях.

Радим шел впереди, не оглядываясь. От его немытой овчины и пропотевшей льняной рубахи тянуло кислым, тяжелым духом первобытной жизни. Анатолий стиснул зубы, заставляя обрюзгшее тело двигаться вперед. Физический дискомфорт был колоссальным, пульс стучал в висках гулким набатом, но мозг, получивший четкую цель, работал в режиме непрерывного сбора данных. Чтобы выжить в административном центре чужой эпохи, ему требовалась оперативная разведывательная сводка. Социальная инженерия не работает вслепую. Ему нужно было знать структуру местного совета директоров, выявить лоббистов и понять, кто выполняет функции службы безопасности.

Анатолий ускорил шаг, поравнявшись со спиной провожатого. Начинать допрос с использованием терминологии системного анализа было бы самоубийственно, поэтому он лихорадочно переводил свои мысли на язык раннего средневековья.

— Скажи мне, Радим, — прохрипел Анатолий, стараясь придать голосу интонации уставшего, но любопытного путника. — Вот приду я в стольный град. Чьи терема там самые высокие, после княжеского? Кто у Всеволода Юрьевича по правую руку сидит, чье слово для него тяжелее золота?

Язычник не сбавил шага. Лишь фыркнул пренебрежительно, не оборачиваясь:

— А тебе, лесному дурню, какая печаль до боярских теремов? Твое место на паперти, с собаками кости делить, а не в княжью думу заглядывать.

— Пути Господни неисповедимы, — смиренно парировал Анатолий, на ходу выстраивая легенду. — В пустой голове моей видения бродят. Лица чужие мелькают, голоса звучат. Должен я знать, кого мне духи пророчат встретить. Кто нынче княжье ухо держит? Старые роды ростовские, или кто иной?

Слова про видения заставили Радима чуть замедлиться. Суеверный страх перед юродивыми сделал свое дело. Охотник переплюнул через плечо, отгоняя нечисть, и нехотя заговорил.

— Нет больше старой силы у ростовских да суздальских бояр, — глухо ответил воин, рубая топоричем мешающую ветку орешника. — Всеволод их гордыню в бараний рог скрутил. Кто противился — тех мечом поучил, кто хитрил — тех в земли дальние согнал. Не жалуется он боярщину с их вотчинами.

Анатолий мысленно кивнул, фиксируя информацию. Классическая автократическая модель. Правитель ломает наследственную аристократию, выстраивая жесткую вертикаль власти. Значит, искать союзников среди старой элиты бессмысленно — они маргинализированы и токсичны. Опирайтесь на них — значит автоматически стать врагом князя.

— А на кого же тогда он опирается, коли старым родам веры нет? — Анатолий споткнулся о скрытый в траве корень, чудом удержав равновесие, но вопроса не бросил. — Чьими руками суд вершит да дани собирает?

— Младшей дружиной своей правит, — в голосе Радима промелькнуло невольное уважение простолюдина к грубой силе. — Мечниками, что без роду, без племени, но князю преданы, аки псы цепные. Да тиунами своими, ключниками да мытарями, что из простых людей подняты. Им Всеволод города в кормление дает, они за него глотку кому хошь перегрызут.

Картина сложилась в идеальную логическую цепочку. Всеволод Большое Гнездо создает прототип чиновничьего аппарата и опричнины. Он приближает к себе людей, чей социальный статус и благополучие зависят исключительно от его личной милости. Это открывало перед Анатолием невероятное окно возможностей. В системе, где статус определяется происхождением, чужаку нет места. Но в системе, где статус определяется полезностью для сюзерена, человек с абсолютным знанием технологий и истории может взлететь на самый верх социальной пирамиды быстрее любой выпущенной из лука стрелы. Главное — найти правильную точку входа, минуя бюрократические барьеры тех самых верных тиунов.

Впереди между стволами деревьев забрезжил просвет. Воздух стал суше, запах прелой листвы сменился резким ароматом конского навоза, растоптанной глины и дорожной пыли. Деревья расступились, и Анатолий тяжело вывалился на обочину широкой, изрезанной глубокими колеями грунтовой дороги. Тракт. Кровеносная артерия средневековой логистики.

Радим остановился на опушке, не выходя из тени деревьев на открытое пространство. Лесной человек инстинктивно избегал государственных коммуникаций.

— Вот твоя дорога, путник, — язычник указал топоричем в сторону, где над лесом поднимались едва заметные в утреннем небе сизые дымки печных труб большого города. — Туда пойдешь — к полудню под белокаменные стены выйдешь. А коли не соврал ты волхву, и впрямь железо лить умеешь лучше прежнего... выживи там.

Охотник развернулся и бесшумно, как призрак, растворился в густом подлеске, оставив чужака один на один с суровой реальностью двенадцатого века.

Анатолий поправил очки, вытирая рукавом жилетки пот со лба. Озноб отступил, уступив место холодному, расчетливому азарту. Перед ним лежала грязная, разьеженная телегами дорога, ведущая в столицу Руси. В его карманах не было ни единой серебряной монеты, а его внешний вид мог вызвать лишь смех или агрессию. Но в его голове хранилась терабайтная база данных цивилизации, которая уже покорила атом и вышла в космос. И сейчас эту базу предстояло конвертировать во власть. Анатолий тяжело вздохнул, сделал первый шаг по раскисшей глине тракта и двинулся навстречу своей Империи.

Толстая рифленая подошва городских ботинок с чавканьем погрузилась в густую, неподатливую глину тракта. Это была не дорога в понимании человека двадцатого века, а прорезанная тележными колесами грязная рана на теле ландшафта, петляющая между полей и перелесков. Анатолий тяжело переступал с ноги на ногу, чувствуя, как жилетка, пропитанная ночной сыростью и потом, неумолимо тянет к земле.

Мимо, надсадно скрипя несмазанными осями, проползла телега, груженная мешками с зерном. Возница в серой посконной рубахе бросил на странного пухлого путника затравленный, настороженный взгляд и торопливо перекрестился, хлестнув тощую лошаденку вожжами. В нос ударил резкий, кислый запах конского пота, дегтя и немытого человеческого тела.

Анатолий проводил телегу взглядом и вытер испарину со лба тыльной стороной ладони. Холодный аналитический разум — это прекрасный инструмент, но сейчас он был заперт в теле тридцатилетнего, совершенно неспортивного советского инженера. Да, его сердце работало как мотор, а молодость давала запас прочности, но избыточный вес и полное отсутствие физической подготовки давали о себе знать: дыхание сбивалось, а икры горели от непривычной нагрузки. Вся его колоссальная эрудиция не могла отменить базовых физиологических потребностей. Здесь, на раскисшей колее двенадцатого века, он внезапно и очень остро осознал свою хрупкость. Любая случайная стрела, укус бешеной собаки или банальная кишечная инфекция могли обнулить терабайты знаний в его голове до того, как он успеет их применить.

Вывод сформулировался сам собой: выживание в этой эпохе зависит не столько от интеллекта, сколько от скорости интеграции в социум. Одиночка здесь — это биологический мусор. Ему срочно нужна социальная капсула, статус, который заставит местную экосистему кормить его и защищать.

Лес окончательно расступился, и тракт вынырнул на широкое всхолмление. Анатолий остановился, тяжело опираясь руками о колени и восстанавливая сбитое дыхание, и поднял взгляд.

Впереди, в сизовой дымке разгорающегося дня, лежал Владимир. Он разительно отличался от стерильных исторических реконструкций в академических справочниках. Это был не сказочный златоглавый град из былин, а огромный, почерневший от горя погост. Город был жестоко, почти под корень выжжен.

Память Анатолия немедленно выдала нужную дату: тринадцатое апреля тысяча сто восемьдесят пятого года. Катастрофический пожар, совпавший с сильным ветром, сожрал тридцать две деревянные церкви и практически всю жилую застройку.

Прямо перед ним, за крутыми земляными валами, зияли гигантские черные проплешины пепелищ. Там, где должны были возвышаться крепкие дубовые терема и ремесленные слободы, сейчас копошились люди, похожие на чумазых муравьев, деловито разбирающие обугленные завалы. Воздух был пропитан тяжелой, въедливой гарью, которая перебивала даже запахи конского навоза и весенней земли.

Но самым страшным зрелищем был Успенский собор. Главный символ Владимирской Руси, выстроенный из белого известняка, возвышался над мертвым деревянным морем не как сияющий айсберг, а как изувеченный инвалид. От запредельного жара его некогда идеальные стены покрылись глубокими, рваными трещинами и закоптились до черноты. Купола потуск-

нели, а из зияющих пустых глазниц окон веяло пустотой — Анатолий знал, что внутри выгорело абсолютно всё, от деревянных хором до драгоценных икон.

Пощадил огонь лишь Золотые ворота. Этот массивный каменный куб с проездной аркой, инфраструктурный шедевр, выполняющий роль главного узла обороны, возвышался на краю холма как одинокий памятник уцелевшей государственности. Именно туда, в эту гулкую каменную глотку, сейчас стекались со всей округи скрипучие телеги с лесом для восстановления, всадники и пешие люди с измазанными сажей лицами. Анатолий поправил очки, выдохнул горький воздух и двинулся к единственному работающему входу в выжженную столицу.

Анатолий влился в этот людской поток, стараясь держаться обочины и не привлекать лишнего внимания. Однако его габариты, очки и обилие карманов работали как визуальная сирена. Возле самой арки, где тянуло холодной тенью и резким запахом конской мочи, путь ему преградили скрещенные древки копий.

Двое стражников — рослые, плечистые мужики в тусклых, покрытых пятнами ржавчины кольчугах и каплевидных шлемах — брезгливо оглядели чужака.

— Стой, чудище лесное, — рявкнул тот, что постарше, с рыжей, всклокоченной бородой. Он бесцеремонно ткнул тупым концом древка Анатолию в живот. — Ты что за зверь такой будешь? Лицом молод, летами крепок, а нарядился как скоморох на ярмарке! А на глазах что за лед застыл?

Стражник протянул грязный палец, намереваясь ткнуть в стекло очков. Анатолий плавно, но твердо отстранился, опуская голову в покорном поклоне.

— Калика я переходжий, люди добрые, — смиренно пропел он, старательно модулируя голос, лишая его привычных менторских интонаций. — Божий странник. Шел издалека, да в лесу лихоманка напала. Память отшибло напрочь. Ни имени своего не помню, ни ремесла. А одежда эта чудная — так что добрые люди подали, то и ношу. Не гневитесь на убогого.

Молодой стражник удивленно присвистнул, разглядывая жилетку:

— Ишь ты, из лоскутов сшито, а швов не видать. И карманов тьма, будто у вора базарного.

— Оставь его, — буркнул рыжебородый, убирая копьё. В его глазах мелькнуло презрение к сильному телом, но «слабому умом» парню. — На нем пахать надо, боров здоровый, а он дурачком прикинулся да куски собирает. Тьфу. Ступай в город, юродивый. Да смотри, не чуди на торгу, карманы чужие не щупай. Увижу, что татьбой промышляешь — велю руки по локоть отрубить, молод ты или стар, мне без разницы.

Анатолий коротко перекрестился, как делали в толпе, и скользнул в гулкую полутьму каменной арки.

Очередной аналитический срез прошел успешно. Система безопасности раннего средневековья строилась исключительно на визуальной оценке угрозы. Отсутствие оружия и показная покорность делали молодого мужчину невидимым для репрессивного аппарата. Статус «тронутого умом», потерявшего память странника, работал как идеальный социальный камуфляж.

Едва он вышел из-под сводов ворот, на него обрушилась какофония столичной жизни. Город ревел, мычал, стучал молотами и матерился на все лады. Узкие улочки, вымощенные скользкими бревнами, утопали в густой грязи, перемешанной с навозом. Мимо пробежали чумазые дети, тащили на коромыслах воду хмурые бабы, где-то истошно визжала свинья, которую резал мясник. В воздухе висела плотная взвесь из дыма кузниц, запаха свежепеченого хлеба, крови и нечистот. Это был живой, пульсирующий организм экономики двенадцатого века, лишенный всяких санитарных норм, но обладающий бешеной витальностью.

Анатолий медленно брел вдоль торговых рядов, машинально уворачиваясь от снующих носильщиков. Его взгляд молодого ученого выхватывал детали: скудность ассортимента железных изделий на прилавках, грубость выделки тканей, ужасающее состояние зубов у прохожих. Поле для прогрессорства было поистине безграничным.

Он поднял глаза. Вдалеке, на самой высокой точке холма, за дополнительным рядом дубовых стен возвышались княжеские палаты. Детинец. Сердце системы. Мозг всей Русской земли.

Подойти к этим воротам в образе калики и постучать в них было невозможно — стража просто забьет молодого бродягу палками, решив, что он пришел кланчить милостыню. Ему нужен был катализатор. Событие экстраординарного масштаба, которое заставит самого князя искать встречи с ним.

Анатолий остановился у коновязи, прислонившись спиной к шершавому, теплому от весеннего солнца бревну. Ему жизненно необходимо было откалибровать свои внутренние хронометры. Эпоху он знал со слов старого волхва — время правления Всеволода Большое Гнездо. Но какой сейчас год? Месяц? Ошибка в расчетах означала верную смерть.

Ответ пришел сам, вынырнув из разноголосого рыночного гула. В нескольких шагах от него двое породных, одетых в добротное сукно купцов шумно обсуждали задержку южных караванов.

— Говорю тебе, встал торг с полуднем! — горячился один из них, потрясая пухлым кулаком в сторону невидимого собеседника. — Игорь Святославич Северский дружину собрал да в Дикое поле ушел, половцев воевать! Почитай, неделю как за реку Донец переправились, все степные пути теперь перекрыты, пока кровь не прольется!

Анатолий замер, почти перестав дышать. Информация мгновенно загрузилась в аналитический центр его мозга. Поход князя Игоря Новгород-Северского на половцев. Тот самый, катастрофический поход, который станет основой для «Слова о полку Игореве». Энциклопедическая память выдала точный, не подлежащий сомнению результат: весна тысяча сто восемьдесят пятого года.

Он быстро поднял голову, оценивая зеленую дымку молодой листвы на деревьях за ближайшей монастырской стеной и мягкое, еще не обжигающее тепло солнца. Конец апреля.

Сердце забилось быстрее, прогоняя по венам горячую волну адреналина. Если князь Игорь уже неделю как в степи, значит, до главного астрономического события этой эпохи оставались не месяцы и даже не недели. Считанные дни. А может, и часы. Первое мая тысяча сто восемьдесят пятого года. То самое легендарное полное солнечное затмение, которое накроет тьмой русские полки на берегах Донца и погрузит во мрак половину Руси.

Математика выживания сошлась в идеальную формулу. Ему больше не нужно было ломать голову над тем, как пройти через вооруженную стражу детинца. Нужно лишь найти самую людную площадь этого грязного, шумного города. Место, где его вопли услышат не только подвыпившие торговцы, но и священники, и боярские слуги. Он должен стать не просто полоумным бродягой, а пророком грядущей небесной кары. И когда дневное светило послушно погаснет по его слову посреди ясного дня, этот суровый мир сам принесет его на руках к княжескому престолу.

Анатолий судорожно сглотнул вязкую слюну, внезапно и очень остро осознав накативший, первобытный приступ голода. Грандиозная геополитическая архитектура, выстраиваемая в его сознании, с размаху разбилась о банальную физиологию тридцатилетнего организма. Он не ел ничего с того самого момента, как сделал последний глоток индийского чая на своей московской кухне. Теперь же городская площадь штурмовала его рецепторы сводящими с ума запахами свежеспеченного ржаного хлеба, горячей каши и жареного мяса, которые причудливо сплетались с вездесущей вонью конского навоза и кислой овчины. Желудок скрутило болезненным спазмом, требуя немедленной подачи топлива для энергозатратной работы мозга.

Прежде чем перекраивать судьбы государств, необходимо обеспечить базовое выживание белкового носителя. Но у него не было ни единой медной монеты, а попытка украсть пирожок с лотка неминуемо привела бы к ампутации кисти. Просить милостыню означало разрушить тот высокий статус, который он собирался себе присвоить. Следовательно, его гря-

дущее пророчество должно было не только открыть двери княжеского терема, но и банально его накормить.

Анатолий отлепился от шершавого бревна коновязи, чувствуя, как тяжелые ботинки вязнут в растоптанной, жирной грязи. План действий начал кристаллизоваться, обретая жесткие контуры. Чтобы добраться до князя Всеволода, нужен социальный резонанс максимальной амплитуды. Ему предстоит выйти в самый центр площади и объявить о надвигающейся небесной тьме. Однако в этом идеальном сценарии крылась одна критическая системная ошибка. Он был совершенно, катастрофически плохим оратором.

Анатолий знал себя слишком хорошо. Интроверт, аналитик, инженер информации, привыкший оперировать сложными синтаксическими конструкциями и многоуровневыми терминами. В нем не было животной харизмы прирожденного лидера, он не умел зажигать толпу безумным блеском глаз, а его голосу отчаянно не хватало трубной мощи базарного глашатая. Если он попытается размахивать руками и истошно вопить о божьем гневе, то будет выглядеть как нелепый, пухлый паяц. А в эту суровую эпоху плохим актерам не пишут разгромных рецензий — их забивают батогами или забрасывают гнилой репой.

Ему требовалась поведенческая модель, которая идеально замаскировала бы полное отсутствие актерских навыков. Память услужливо подкинула исторический анализ религиозного экстаза в раннем средневековье. Самыми пугающими пророками для архаичного сознания были не те, кто рвал на груди рубаху и брызгал слюной. Истинный, мистический ужас вызывали «сломанные сосуды». Те блаженные, кто говорил тихо, монотонно, глядя в одну невидимую точку, словно зачитывая текст с недоступного простым смертным экрана.

Полное отсутствие эмоций воспринимается неграмотной толпой как верный признак божественного присутствия. Ему не нужно играть пылкого фанатика. Ему нужно стать живым радиоприемником, настроенным на частоту надвигающегося апокалипсиса. Транслятором неизбежности.

Анатолий поправил тяжелую оправу очков, чувствуя, как холодный расчет окончательно берет верх над физической слабостью и голодом. Он выберет паперть ближайшего белокаменного храма — идеальный резонатор и готовый пьедестал. Он встанет там и будет смотреть поверх голов людского моря. И начнет повторять одну короткую, рубленую формулу, лишённую сложных слов. День станет ночью. Солнце обратится в черный пепел. Небо покарает гордыню. Медленно, ритмично, как стук метронома. До тех пор, пока вокруг не соберется толпа. До тех пор, пока княжеские тиуны не придут, чтобы бросить его в поруб как смутьяна.

А затем небесная механика подтвердит его слова, и этот мир содрогнется. Анатолий сделал глубокий вдох, игнорируя предательское урчание в животе, и решительно шагнул в густую, крикливую массу средневековой толпы.

Ступени белокаменного храма оказались обжигающе холодными даже сквозь толстую резиновую подошву ботинок. Анатолий тяжело поднялся на паперть, развернулся лицом к бурлящему торжищу и замер. Шершавая стена, сложенная из идеально подогнанных известняковых блоков, послужила надежной опорой для ноющей спины. Он глубоко вдохнул, наполняя легкие смесью ладана, конского навоза и жареного лука, и сфокусировал взгляд на невидимой точке чуть выше соломенных крыш дальних амбаров.

Программа была запущена.

— День станет ночью, — произнес он ровно и бесцветно. Голос тридцатилетнего инженера, лишенный привычных лекторских модуляций, прозвучал неожиданно гулко, отразившись от церковной кладки. — Солнце обратится в черный пепел. Небо покарает гордыню.

Сначала его просто не замечали. Мало ли юродивых, увечных и блаженных трется у святых врат в базарный день? Мимо пробегали суетливые мальчишки, тяжело топали грузчики с кулями на спинах, звонко ругались торговки. Какая-то сердобольная старуха в темном платке

сунула ему под ноги грязную, надкусанную репу и поспешила дальше. Анатолий даже не скосил глаз на еду, хотя пустой желудок отреагировал на брошенную подачку мучительным спазмом.

— День станет ночью. Солнце обратится в черный пепел. Небо покарает гордыню.

Он работал как испорченный радиоприемник, намертво застрявший на одной аварийной частоте. Никаких взмахов руками, никакой пены изо рта. Только монотонный, машинный ритм. И эта чужеродная, математическая цикличность начала давать сбой в хаотичной матрице средневековой толпы. Человеческий мозг — это нейросеть, заточенная на поиск аномалий. Ровный, лишенный эмоций голос грузного чужака в диковинной одежде из кучи карманов стал такой аномалией.

Первыми остановились зеваки с пустыми руками. За ними притормозили пара подмастерьев из кузнечного ряда, тяжело опираясь на свои длинные молоты. Толпа начала уплотняться, обтекая паперть плотным полукольцом. В нос Анатолию ударил густой, концентрированный запах немых тел, чеснока, сыромятной кожи и прокисшего кваса. Люди перешептывались, вслушиваясь в рубленные, пугающие фразы. Они ждали развития сюжета, объяснений, но оратор не предлагал им развязки. Он лишь методично вбивал в их головы гвозди неизбежности.

Догадка блеснула в сознании холодной вспышкой: пустота неизвестности страшит архаичное сознание гораздо сильнее, чем прямая, понятная угроза. Если ты не объясняешь, как именно и почему упадет небо, каждый дорисует свой собственный, самый первобытный и жуткий вариант апокалипсиса.

Тяжелые дубовые двери храма за спиной Анатолия со скрипом распахнулись. Из полумрака притвора, вместе с густым облаком сладковатого воскового чада, выплыла тучная фигура священника. Темная ряса была испачкана мукой, а в густой седеющей бороде застряли крошки — служитель культа явно прервал трапезу из-за шума на улице.

— Что за пес смердящий воет у дома Господня?! — рявкнул священник, надвигаясь на возмутителя спокойствия. Его лицо налилось дурной, багровой кровью. — Какая ночь?! Какой пепел, бродяга?!

Он осекся, наткнувшись взглядом на толстые линзы очков в массивной роговой оправе. В двенадцатом веке оптика была немислимой технологией. Для местного системного администратора от религии эти блестящие, искажающие глаза круги на лице чужака выглядели как прямое проявление демонического кода.

— Лед на глазах не тает! — взвизгнул священник, отшатываясь и тыча в Анатолия коротким пухлым пальцем. — Бес в нем сидит! Одержимый! А ну, пошел вон с паперти, отродье сатанинское!

Священник сорвал с груди тяжелый деревянный крест на толстом шнурке и замахнулся им, словно кистенем. Толпа испуганно ахнула и шарахнулась назад. Ситуация балансировала на тончайшей грани линчевания. Если Анатолий сейчас дернется, попытается закрыться руками или проявит малейший человеческий страх — социальная магия рухнет. Одержимого бесом чужака просто забьют колыями ради спасения собственных душ.

Анатолий не шелохнулся. Его сердце билось о ребра с частотой отбойного молотка, под плотной тканью жилетки по спине текли ручьи ледяного пота, но внешне он оставался каменным изваянием. Глядя сквозь разъяренного попа, словно тот был бесплотным голографическим фантомом, попаданец сделал паузу ровно на один такт и с той же металлической монотонностью продолжил трансляцию:

— День станет ночью. Солнце обратится в черный пепел.

Толпа затихла. Даже священник замер с занесенным крестом, сбитый с толку абсолютной, нечеловеческой отрешенностью бродяги. В их парадигме мира бесы должны корчиться, шипеть и визжать при виде распятия, а этот странный человек стоял подобно гранитной скале, не замечая угрозы.

И в этой звенящей тишине, которую резало лишь механическое бормотание Анатолия, раздался мерный, тяжелый лязг железа.

Людское море качнулось и неохотно расступилось. На площадь, грубо расталкивая зевак древками копий и тяжелыми щитами, выходил вооруженный десяток городской стражи. Их каплевидные шлемы тускло поблескивали на весеннем солнце, а лица под кольчужными бармицами были хмурыми и решительными. Охранный протокол административного центра наконец-то отреагировал на несанкционированный сбой в работе рынка.

Главные зрители, ради которых и затевался этот смертельно опасный спектакль, прибыли. Анатолий позволил себе микроскопическую, незаметную глазу ухмылку, мысленно приоткрывшись к силовому задержанию и переходу на следующий уровень игры.

Тяжелые кованые сапоги десятника гулко ударили по каменным ступеням паперти. Людское кольцо распалось, не смея перечить вооруженной государственной машине. Десятник — кряжистый, широкоплечий воин со шрамом, пересекающим переносицу и левую щеку, — остановился в двух шагах от Анатолия. От стражника исходила плотная, почти осязаемая аура профессионального насилия, густо замешанная на запахах оружейного железа, дегтя и застарелого конского пота.

Десятник смерил взглядом странную, грузную фигуру в жилетке с бесчисленными карманами, задержался на толстых стеклах очков, от которых отражалось весеннее солнце, и нахмурился.

— Что за смута у святых врат, отче? — густым басом бросил воин, не оборачиваясь к священнику. Рука десятника привычно легла на потертую рукоять меча.

— Бес в нем сидит, Гаврила! — заголосил поп, выглядывая из-за широкой спины стражника. Он торопливо осенял себя крестным знамением, не рискуя подходить ближе. — Смотри, лед на глазах не тает, а сам хулу на небо несет! Конец света пророчит, народ баламутит! Хватай его, волокиты в поруб, пока он порчу на торг не навел!

Анатолий смотрел сквозь них. Холодный ум фиксировал каждую деталь сцены, просчитывая каждое мгновение, но внешне Анатолий оставался неподвижным истуканом, поглощенным одной-единственной задачей.

— Небо покарает гордыню. День станет ночью, — ровно, без малейших интонационных колебаний произнес попаданец, словно не замечая занесенной над ним угрозы.

Гаврила недовольно крякнул. В его обязанности не входили богословские диспуты. За срыв торговли и скопление толпы десятник отвечал перед княжеским тиуном собственной головой.

— Брать его, — коротко скомандовал он своим людям. — К воеводе на двор волоките. Там кнутом спину погладят, живо бесы с потом выйдут. А ну, разойдись, чернь! Кому сказано, пошли прочь от храма, нечего тут уши греть! Задавлю!

Двое дюжих стражников шагнули к Анатолию. Грубые, мозолистые руки сомкнулись на его предплечьях железными тисками, безжалостно сминая ткань его жилетки. Городской инстинкт самосохранения требовал вырваться, закричать, попытаться объяснить ситуацию, но холодный рассудок тридцатилетнего инженера мгновенно подавил этот импульс.

Соппротивление при аресте — это ошибка новичка. Силовое задержание в его текущей стратегии являлось не провалом, а бесплатным трансфером на следующий уровень допуска. Он успешно миновал внешнюю стражу этого мира, и теперь его несли прямо к самому сердцу городской власти.

Анатолий обмяк, позволяя стражникам нести часть своего немалого веса. Он не упирался ногами в каменные ступени, не брыкался и не молил о пощаде, чем вызвал секундное замешательство у своих конвоиров. В двенадцатом веке люди, попавшие в руки правосудия, обычно вели себя иначе: они выли, пытались выкупить свою жизнь или бросались в драку отчаяния.

Абсолютная, кукольная покорность странного пленника пугала их даже больше, чем его непонятные бормотания.

Его грубо потащили вниз по ступеням, прямо в раскисшую глину площади. Остро заболели выкрученные плечевые суставы, в лицо полетели ошметки грязи из-под сапог идущего впереди Гаврилы, но Анатолий упрямо продолжал свою трансляцию.

— Солнце обратится в черный пепел...

— Заткнись, юродивый, — рявкнул один из стражников, с силой дергая его за локоть. — Или я тебе сейчас зубы рукоятью выбью.

Анатолий замолчал, покорно опустив голову. Не стоит перегружать систему. Крючок уже заброшен глубоко в подсознание толпы, информация пошла по социальным сетям этого средневекового мегаполиса со скоростью лесного пожара. К вечеру каждый купец, холоп и дружинник во Владимире будет обсуждать жуткого бродягу с ледяными глазами, предрекшего гибель солнца. И когда затмение накроет город тьмой, эти же самые стражники, которые сейчас тащат его по грязным лужам, первыми упадут перед ним на колени.

Процессия быстро продвигалась сквозь рыночные ряды, оставляя за собой испуганный шепоток торговков. Впереди, за высоким частоколом из почерневших от времени бревен, маячили терема княжеского двора. Желудок снова скрутило судорогой голода, но Анатолий лишь крепче стиснул зубы. Игра переходила в самую острую фазу. Теперь от него требовалась идеальная память, абсолютное хладнокровие и способность убедить высший менеджмент Древней Руси в том, что он является единственным инсайдером Господа Бога на этой планете.

Тяжелые створки ворот съезжего двора сомкнулись за спиной с глухим, отрезающим от внешнего мира стуком. Анатолий внутренне подобрался, ожидая, что сейчас конвой поволочет его по скрипучим деревянным лестницам в светлые княжеские палаты, где он наконец-то развернет свою концепцию перед высшим руководством. Он уже мысленно переводил заготовленные тезисы на язык местной элиты, готовясь к главной дискуссии в своей жизни. Однако вместо парадного входа стражники свернули в глухой, провонявший псиной, нечистотами и кислым дегтем угол двора.

Гаврила остановился у приземистого бревенчатого сруба, вросшего в землю по самую крышу. Навстречу ему поднялся заспанный страж с тяжелой связкой железных ключей на поясе.

— Кого приволок, десятник? — широко зевнул тюремщик, лениво почесывая всклокоченную грудь под расстегнутой рубахой.

— Смутьяна рыночного. Бесноватого, — сплюнул Гаврила, брезгливо вытирая руки о штаны, словно прикосновение к чужаку могло его испачкать. — Кидай его в поруб. Воевода с полюдья только к исходу седмицы вернется, вот тогда и разберем, чьих этот дурень будет и зачем народ на площади баламутил. Засунь так глубоко, чтоб ни звука не донеслось.

Анатолий замер. Идеально выстроенная архитектура его плана с оглушительным треском разбилась о банальную бюрократическую накладку. Главный хозяин этого места уехал по делам. Тот, кто принимал решения, был сейчас недосягаем. А исполнители низшего звена не собирались брать на себя ответственность за странного пророка, предпочитая поместить проблему в глухой карантин до возвращения начальства.

Ключник со скрипом отвалил в сторону тяжелую, окованную железом крышку люка в полу сруба. Из квадратного зева пахнуло таким концентрированным ужасом, что тридцатилетний организм рефлекторно содрогнулся. Смесь застарелых испражнений, гниющей соломы, застоявшейся воды и немых человеческих тел ударила по обонятельным рецепторам мощнее нашатырного спирта.

— Прыгай, ледяные глаза, — стражник без затей толкнул Анатолия в спину.

Почва ушла из-под рифленых подошв. Короткое, тошнотворное чувство свободного падения сменилось жестким, выбивающим остатки воздуха ударом. Он рухнул на что-то мяг-

кое, склизкое и зловонное, больно приложившись плечом о бревенчатую стену. Сверху с пушечным грохотом захлопнулась дубовая крышка, с мерзким скрежетом лязгнул засов. Мир мгновенно сжался до размеров могилы и погрузился в абсолютную, непроницаемую, давящую на глазные яблоки тьму.

Анатолий медленно, стараясь не делать резких движений и хрипло хватая ртом спертый воздух, сел. Первым делом он ощупал лицо — очки чудом остались целы. Затем его пальцы погрузились в липкую, ледяную жижу, устилающую дно этой подземной камеры. Поруб. Классический средневековый изолятор строгого режима. Обычная глубокая яма, вырытая в промерзлой земле и обшитая толстыми бревнами, куда сбрасывали татей и должников. Здесь не было ни нар, ни параши, ни вентиляции, кроме крошечных щелей между досками люка где-то в трех метрах над головой.

Где-то совсем рядом, в крошечном мраке, деловито запищала крыса, шурша прелой соломой. С потолка прямо за шиворот, под плотную ткань жилетки, сорвалась крупная ледяная капля конденсата, заставив тело содрогнуться от жестокого озноба.

Очередной системный срез выдал катастрофический результат. Информационный вакуум поруба — это смерть для его проекта. Если затмение произойдет, пока он сидит в этой яме, социальный эффект будет равен нулю. Никто не свяжет астрономическое явление с его персоной. Для толпы он останется лишь городским сумасшедшим, которого вовремя убрали с глаз долой. А когда местный начальник службы безопасности вернется, солнце уже будет светить по-прежнему, и его просто запорют кнутом за хулиганство на рынке.

Желудок снова напомнил о себе болезненной судорогой, суставы начало ломить от могильного холода сырой земли. Анатолий подтянул колени к подбородку, стараясь сохранить крохи тепла, и заставил свой мозг работать на предельных оборотах. У него было максимум двое или трое суток, чтобы найти уязвимость в архитектуре этой подземной тюрьмы. Он обязан выбраться на поверхность, на всеобщее обозрение, до того, как луна закроет солнечный диск. Иначе безжалостная история двенадцатого века прожует его и выплюнет в эту грязную яму, даже не поперхнувшись.

Время в абсолютной темноте теряет свои физические свойства, превращаясь в вязкую, ледяную субстанцию. Тридцатилетний организм Анатолия, лишенный калорий и тепла, начал давать сбои: суставы ныли от сырости, а перед закрытыми глазами плясали цветные пятна — первый признак гипогликемии. Мозг, этот мощный аналитический процессор, отчаянно требовал глюкозы, грозя уйти в спящий режим.

Внезапно плотную тишину поруба разорвал скрежет отодвигаемого засова. Дубовая крышка со стоном откинулась назад, и в квадратный проем хлынул желтый, слепящий свет смоляного факела. Анатолий рефлекторно заслонил лицо грязными руками.

— Давай, вытаскивай его, старый, — раздался сверху молодой, чуть сбивчивый голос. — Десятник спит уже, а мне до смерти любопытно, что за птицу мы поймали.

— Смотри, Тихон, узнает Гаврила — обоим спины батогами исполосует, — недовольно проворчал тюремщик, но в яму с глухим стуком упала толстая веревка с навязанными узлами. — Лезь давай, лесное чудо! Да живо!

Анатолий ухватился за грубую пеньку. Мышцы, не привыкшие к подобным физическим упражнениям, отозвались жгучей болью, но перспектива замерзнуть в яме придала сил. Тяжело отдуваясь и обдирая ладони, он выкарабкался на дощатый пол караульни.

Свежий, по сравнению с порубом, ночной воздух показался ему сладким, как нектар. Но еще слаще был запах, исходивший от деревянной миски в руках молодого стражника с русым пушком на подбородке. Там лежал ломоть грубого ржаного хлеба и кусок вареного мяса.

Очередной системный вывод зафиксировался в сознании: базовая пирамида потребностей работает безотказно. Вся интеллектуальная надстройка меркнет, когда включается биологический инстинкт выживания. Анатолий взял миску трясущимися руками и впился зубами

в жесткое волокнистое мясо. Он жевал быстро, методично, чувствуя, как с каждым глотком по жилам разливается тепло, а в голову возвращается ясность мысли.

Тихон — так называли стражника — поставил факел в железное кольцо на стене и присел на корточки, жадно разглядывая странного арестанта.

— Ешь, юродивый, ешь, — тихо произнес он. — А как поешь, скажи мне правду. То, что ты у храма кликал... про черное солнце и пепел. Это тебе бесы на ухо шепчут, или истинно видение было?

Информационный вирус, запущенный на площади, дал первые всходы. Уязвимость архаичной системы безопасности заключалась в банальном человеческом суеверии. Любопытство и страх перед неведомым ломали любые инструкции начальства.

Анатолий проглотил тяжелый ком хлеба, вытер губы рукавом жилетки и посмотрел на парня поверх толстых линз очков. Его голос снова стал ровным, лишенным всякого выражения, — он снова превратился в безучастного вестника.

— Нет у меня памяти, добрый человек, — медленно произнес попаданец, тщательно подбирая слова из словаря двенадцатого века. — Пусто в голове, как в пересохшем колодце. Но перед глазами стоит картина: середь бела дня небесное светило чернеет, словно уголь в горне. И холод падает на землю. Это не мои мысли. Это вложено в меня свыше. Я лишь сосуд, который должен передать весть.

Тихон поежился, невольно отодвигаясь от жутковатого бродяги. В тусклом свете факела блики на очках Анатолия казались двумя порталами в преисподнюю.

В этот момент дверь караульни с треском распахнулась, впустив клуб ночного тумана. На пороге выросла массивная фигура. От вошедшего густо несло кислым пивом и перегаром. Это был тот самый стражник с рыжей, всклокоченной бородой, который утром остановил Анатолия у Золотых ворот.

Рыжебородый мутным взглядом обвел караульню и уставился на жующего арестанта. Его лицо мгновенно исказила гримаса ярости.

— Ты! — прорычал он, тяжело шагнув вперед и на ходу расстегивая ремень с тяжелой медной пряжкой. — Из-за тебя, боров лесной, меня Гаврила чуть с дозора не выгнал! Сказал, раз я дурака в город пустил, так с меня за смуту на торгу и спрос! Я тебе сейчас эти ледышки с глаз вместе с мясом выбью!

Стражник замахнулся ремнем, готовый обрушить тяжелую пряжку на голову Анатолия. Внутренний аналитик мгновенно просчитал траекторию удара — это была верная черепно-мозговая травма, способная навсегда обнулить его миссию. Но уворачиваться было поздно, тяжелое тело инженера просто не успело бы среагировать.

Между ними внезапно вклинился Тихон. Молодой стражник перехватил руку товарища, упершись ботинками в доски пола.

— Окстись, Фрол! Убери ремень! — закричал парень, отталкивая пьяного сослуживца.

— Пусти, щенок! Я из него всю дурь выбью! — рявкнул Фрол, пытаясь вырваться, но хмель мешал ему стоять твердо.

— А если не дурь это?! — в голосе Тихона зазвенел неприкрытый, первобытный ужас, который заставил рыжебородого замереть. — Если он и впрямь Божий человек? Ударишь его — и весь род свой проклянешь! Дети твои в корчах помирать будут! Он затмение средь ясного дня пророчит, Фрол! С таким не шутят, за такое небо жестоко бьет!

Угроза административного наказания меркнет перед страхом сакральной кары. Это был еще один фундаментальный закон средневековой психологии, который Анатолий аккуратно занес в свою внутреннюю базу данных. Фрол тяжело задышал, переводя налитые кровью глаза с молодого стражника на абсолютно спокойного, неподвижного пленника в странных одеждах. Рука с ремнем медленно опустилась.

— Тыфу на вас обоих, — хрипло сплюнул рыжебородый, делая шаг назад и торопливо, почти испуганно осеняя себя широким крестом. — Коли брешет он, я сам ему поутру кишки выпущу. А коли правду бает...

Фрол не договорил, развернулся и, хлопнув дверью, растворился в ночной сырости.

Стук захлопнувшейся за рыжебородым стражником двери эхом прокатился под закопченным потолком караульни. Сквозняк взметнул пламя смоляного факела, выхватив из полумрака бледное, покрытое испариной лицо молодого Тихона.

Анатолий медленно опустил пустую деревянную миску на стол. Желудок, получивший долгожданную порцию белков и углеводов, благодарно заурчал, пуская живительное тепло по озябшему тридцатилетнему телу.

Тихон шумно выдохнул, словно только что отбежал от края пропасти, и присел на край лавки напротив пленника. В глазах парня читалась причудливая смесь жалости и благоговейного страха перед человеком, способным приказывать солнцу.

— Ты Фрола не кляни, странник, — заговорил Тихон, нервно теребя кожаный ремешок на запястье. — Он мужик лютый, когда хмельной, да на расправу скорый, но зла в нем нет. Просто боязно ему. Всем боязно, когда такие речи звучат.

Анатолий молчал, сохраняя ледяную непроницаемость своего нового социального аватара. Инженерный мозг хладнокровно анализировал ситуацию. То, что только что произошло, в терминах двадцатого века называлось вербовкой лояльного агента в стане противника. Причем агента инициативного, действующего не за материальную выгоду, а из-за глубокого теологического ужаса, помноженного на базовую человеческую эмпатию.

Молодой стражник окинул взглядом грузную, облепленную подсыхающей грязью фигуру Анатолия, задержался на посиневших от холода пальцах и сокрушенно покачал головой.

— Не сдюжишь ты в порубе, человеке. Там сырость такая, что кость в труху гниет, а к утру заморозок ударит. Ты вон какой рыхлый да тяжелый, словно тесто на опаре, к таким лишениям не привыкший. Сгинешь до возвращения воеводы, как пить дать сгинешь. А мне грех на душу брать неохота, коли ты и впрямь вестник небесный.

Тихон подался вперед, понизив голос до заговорщицкого шепота.

— Завтра поутру, как десятник наш, Гаврила, проснется да подберет, я ему в ноги брошусь. Уговорю в клеть тебя перевести, что на заднем дворе стоит. Там, почитай, хоромы по сравнению с ямой: крыша тесовая, стены сухие, да и оконце с решеткой имеется, чтобы свет божий видеть.

Внутри у Анатолия что-то удовлетворенно щелкнуло — он отметил маленькую победу. Перевод из подземного изолятора в наземную камеру с окном — это не просто улучшение бытовых условий, это решающий шаг к выполнению задуманного. В порубе он был ослеплен и изолирован от внешнего мира. Клеть с решетчатым окном означала доступ к небу. Он сможет отслеживать движение солнца и, что не менее важно, транслировать свои словесные алгоритмы проходящим мимо слугам и стражникам, продолжая нагнетать информационный фон.

Еще одно наблюдение легло в копилку его средневекового опыта: в мире, где нет ни писаных прав, ни судебного порядка, личная приязнь мелкого служки оказывается единственным работающим способом подняться выше.

Тишину караульни внезапно разорвал булькающий, хриплый кашель, мгновенно перешедший в дребезжащий смех. Старый тюремщик, все это время сидевший в темном углу на ворохе старых овчин, заливался желчным хохотом, хлопая себя по впалой груди. От него густо потянуло немытым телом и чесноком.

— Ой, уморил, Тихон! Ой, не могу! — сипел старик, утирая выступившие от смеха слезы грязным кулаком. — Экий ты, гляньте-ка, сердобольный выискался! Пса лесного пожалел!

Тюремщик с кряхтением поднялся на ноги, звеня тяжелой связкой ключей, и подошел ближе, насмешливо тыча узловатым пальцем в сторону Анатолия.

— Ты бы, дурень молодой, его еще к себе в избу притащил! А что? Посади это чудище в очках к молодой жене на печь, кашей с ложечки корми да портки ему стирай! Вот бы потеха была для всего посада — как дружинник княжий лесного борова усыновил!

Тихон густо покраснел, сжав кулаки, но перечить старшему по возрасту и должности не посмел.

— Смейся, дед, смейся, — процедил сквозь зубы молодой воин. — Посмотрим, как ты заплашешь, коли у него и впрямь небо во тьму обрушится.

Анатолий даже не повернул головы в сторону издевающегося старика. Он смотрел сквозь грубо сколоченную стену караульни, вслушиваясь в ритм собственного сердца. Пусть смеются. У него появилась точка опоры. Завтра он получит свою клеть с видом на небосвод.

Время в порубе не текло — оно застыло глухой, ледяной глыбой. Анатолий сидел на корточках, подтянув колени к груди, и чувствовал, как промерзлая земля медленно, но неотвратно вытягивает из него тепло. Тридцатилетний организм, лишенный элементарной физической закалки, сдавал позиции. Влажная тьма подземной тюрьмы казалась почти осязаемой. Мозг, избавленный от внешних раздражителей, начал уходить в циклический анализ одних и тех же переменных. Если его не вытащат отсюда до следующей ночи — наступит переохлаждение, пневмония и бесславный финал амбициозной миссии, так и не успевшей начаться.

А в это самое время наверху, в теплой караульне, решалась его судьба. Рассвет только окрасил слюдяные оконца мутным серым светом, когда молодой стражник Тихон переступил порог. Десятник Гаврила тяжело кряхтел, умываясь ледяной водой из деревянного ушата и шумно отфыркиваясь.

— Дозволь слово молвить, Гаврила, — начал Тихон, нервно теребя кожаный ремешок на запястье. — Касаемо дурня этого лесного, что мы вчера в яму кинули.

Десятник вытер лицо грубым рушником и хмуро глянул на подчиненного из-под кустистых бровей.

— Чего тебе? Сказано же, воевода приедет, сам с ним разберется. Пусть сидит, где посажено.

— Так ведь не досидит он в порубе, Гаврила! — горячо возразил Тихон, делая шаг вперед. — Яма сырая, ледяная, а чужак этот телом рыхлый, словно тесто, к лишениям не привыкший. К ночи очочурится. А воевода наш, сам знаешь, человек богобоязненный. На прошлую Пасху новый колокол монастырю справил, юродивых завсегда золотом одаривает да убогих привечает. А ну как вернется, а мы Божьего человека в порубе насмерть сгноили? Осерчает воевода! С нас же первых шкуры спустит за то, что калику безвинно заморозили!

Гаврила замер с рушником в руках. Шестеренки примитивного, но эффективного бюрократического аппарата со скрипом провернулись в голове старого вояки. Одно дело — сгноить в яме обычного вора, и совсем другое — навлечь на себя непредсказуемый гнев начальства из-за возможного конфликта с силами свыше.

— Тьфу ты, пропасть, — смачно сплюнул десятник в солому, взвесив карьерные риски. — Умеешь ты, Тихон, тоску нагнать. Ладно. Скажи ключнику, пусть переведет этого борова в клеть на заднем дворе. Там сухо. И пожрать дайте, не хватало еще, чтоб он с голодухи преставился до воеводского суда. Но головой за него отвечаешь, щенок!

В подземелье скрип железного засова прозвучал как пушечный выстрел. Дубовая крышка люка отвалилась в сторону, и на Анатолия обрушился слепящий, невыносимо яркий утренний свет.

— Эй, лесное чудо! Живой там? — раздался сверху голос Тихона, а следом в зловонную жижу шлепнулась толстая пеньковая веревка с навязанными узлами. — Лезь давай!

Анатолий вцепился в грубую скрутку. Мышцы отозвались обжигающей болью, суставы предательски хрустнули, но перспектива покинуть ледяную могилу активировала скрытые

резервы. Обдирая ладони и тяжело отдуваясь, он выкарабкался на поверхность. Морозный утренний воздух после смрада ямы показался ему сладким нектаром.

Переход по грязному двору занял всего минуту. Клеть оказалась крепким, вросшим в землю бревенчатым срубом. Вместо мокрой глины здесь был ровный дощатый пол, а под самой крышей чернело узкое волоковое оконце, перечеркнутое толстым железным прутком. Старый тюремщик с недовольным ворчанием втолкнул пленника внутрь, швырнув следом охапку сухой ржаной соломы. Вскоре дверь приоткрылась, и Тихон торопливо просунул внутрь глубокую деревянную площадку.

— Ешь, странник. Каша пшенная, с салом. Упросил я десятника, — тихо сказал парень, и внешний засов с лязгом встал на место.

Анатолий грузно опустился на солому, которая сейчас показалась ему мягче любой ортопедической перины. Каша была обжигающе горячей, густой и невероятно жирной. Каждая ложка, отправленная в рот, работала как высокооктановое топливо, мгновенно разгоняя по венам спасительное тепло и возвращая мозгу способность к многопоточному анализу.

Он методично выскреб деревянное дно и поднял взгляд на узкую щель окна. Сквозь решетку виднелся крошечный, но безупречно ясный лоскут весеннего неба.

Еще одно правило легло в основу его замысла: там, где нет писанных законов, страх мелкого чиновника перед начальством работает лучше любого заступника. Логистика выживания была успешно восстановлена. У него появились базовая пайка, защита от холода и надежная изоляция. Но главное — теперь у него был постоянный визуальный контакт с небосводом. Толпа уже переваривала слухи о грядущей тьме. Оставалось лишь сидеть и ждать, когда безжалостная орбитальная механика нажмет на курок его триумфа.

Первое мая тысяча сто восемьдесят пятого года началось во Владимире как обычный, ясный весенний день. Анатолий, проведенный в клетки двое суток, стоял на коленях в соломе, прижавшись лицом к неструганым бревнам, и не отрывал взгляда от узкого окна под потолком. Он ждал.

Изменения начались незаметно, словно кто-то медленно, градус за градусом, убавлял мощность осветительного прибора в гигантской студии. Сначала свет просто потускнел, потеряв свою весеннюю резкость. Тени на утопанной земле караульного двора удлинились и стали нечеткими. Затем потянуло неожиданным, пробирающим до костей холодом. Температура воздуха рухнула вниз с такой скоростью, что на лужах, еще не просохших после недавнего дождя, начала схватываться тонкая корочка льда.

Гвалт огромного города за бревенчатыми стенами начал стремительно стихать. Перестали лаять собаки, смолкли петухи. Птицы, секунду назад гомонившие в кронах деревьев, разом замолчали и тревожно забились в листву. Домашний скот, подчиняясь сбитым биологическим часам, тоскливо замычал, требуя пустить его обратно в хлев.

Солнце на небе превратилось в ущербный, быстро тающий серп. Лунная тень неумолимо, с астрономической точностью пожирала дневное светило.

И тогда город накрыла паника.

Она началась с одиночного, надрывного женского воя где-то на торговой площади и в считанные секунды переросла в многотысячный, первобытный рев ужаса. Для человека двенадцатого века не существовало понятия орбитальной механики. Сбой в базовых настройках мироздания означал только одно: наступил Конец Времен. Апокалипсис, который им обещали с церковных амвонов.

В окно клетки Анатолию был виден лишь краешек двора, но даже этого хватило. Стражники, суровые, вооруженные мечами и копьями мужики, выбегали из караульни и падали на колени прямо в жидкую грязь. Они крестились дрожащими руками, рыдали и били поклоны, вымаливая прощение за грехи. Десятник Гаврила, гроза городского рынка, плакал в голос, размазывая по лицу слезы пополам с соплями.

День стал ночью.

Свет погас окончательно. На потемневшем, неестественно глубоком небе, прямо среди бела дня, вспыхнули россыпи холодных, равнодушных звезд. А на месте солнца повисло абсолютно черное, пугающее до дрожи отверстие в мироздании, окруженное призрачным, пульсирующим венцом солнечной короны.

Анатолий смотрел на это завораживающее физическое явление и чувствовал, как по спине бегут мурашки. Одно дело — знать дату затмения по таблицам, и совсем другое — стоять посреди средневекового города, обезумевшего от теологического ужаса, пока тьма поглощает мир.

Тьма продержалась недолго — всего несколько минут, но для жителей Владимира эти минуты растянулись в вечность. И в этой вечности, в звенящей тишине Конца Света, в головах тысяч людей, от грязных нищих до бояр в княжеских палатах, вспыхнуло воспоминание. Слова странного, нелепого чужака с «ледяными глазами», который несколько дней назад стоял на паперти и монотонным голосом чеканил свой приговор.

«День станет ночью. Солнце обратится в черный пепел. Небо покарает гордыню».

Пазл сошелся. Пророчество сбылось с пугающей, буквальной точностью.

Как только узкий, ослепительно яркий серп солнца снова показался из-за лунного диска, и на землю робко вернулся дневной свет, во дворе караульни началось движение. Дверь клетки содрогнулась от ударов. Железный засов с лязгом отлетел в сторону.

На пороге, тяжело дыша и сжимая в руке обнаженный меч, стоял десятник Гаврила. За его спиной толпились бледные, перепуганные насмерть стражники. В их глазах больше не было ни насмешки, ни брезгливого превосходства. Там плескался чистый, неразбавленный, мистический страх.

Тихон, протиснувшись вперед, упал на колени прямо перед порогом клетки и уткнулся лбом в грязные доски.

— Истинно вестник... Прости, Божий человек! — задыхаясь, прошептал молодой стражник. — Не погуби!

Гаврила сглотнул, опуская острие меча к земле. Его голос, обычно рыкающий и властный, сейчас дрожал и срывался на хрип.

— Выходи, пророк. За тобой прислали. Сам князь Всеволод Юрьевич велел немедля вести тебя в свои палаты.

Анатолий медленно отвернулся от окна. Он поправил на переносице тяжелую роговую оправу очков, смахнул с жилетки приставшую солому и шагнул навстречу дневному свету.

Конвоиры не толкали его в спину. Теперь они шли чуть позади, соблюдая почтительную дистанцию, словно эскортировали сосуд с нестабильным взрывчатым веществом. Гаврила шагал впереди, нервно сжимая рукоять меча и торопливо разгоняя редких прохожих. Владимир, погруженный в гнетущее оцепенение после космического ужаса, провожал их испуганными взглядами. В воздухе пахло сырой глиной и массовым выбросом адреналина.

Пока Анатолий тяжело ступал по деревянным мосткам, ведущим на высокий холм, к княжескому детинцу, его внутренний аналитик лихорадочно компилировал досье на человека, от которого теперь зависела его жизнь.

Цель: Великий князь Всеволод Юрьевич. Возраст — тридцать один год. Год рождения — тысяча сто пятьдесят четвертый. Иронично — они оказались точными ровесниками. Но на этом любые сходства заканчивались.

Главная системная ошибка большинства героев бульварной фантастики — считать средневековых правителей доверчивыми, необразованными варварами. Всеволод варваром не был. Его психологический профиль выковывался в условиях экстремального политического давления. Он был младшим сыном Юрия Долгорукого, «лишним» звеном в жестокой феодальной

иерархии. В восьмилетнем возрасте, после смерти отца, он вместе с матерью и братьями был изгнан из Руси собственным старшим сводным братом, Андреем Боголюбским.

Период базового становления личности Всеволода прошел в эмиграции, и не где-нибудь, а при дворе византийского императора Мануила Комнина — в самом сердце тогдашней цивилизации. Мальчик, лишенный родины и статуса, выпитал сложнейшую дипломатию, многоуровневые дворцовые интриги и концепцию абсолютно жесткой, сакральной власти монарха вместе с морским воздухом Константинополя. Он учился выживать там, где улыбка означала яд в кубке, а союзники предавались забвению ради государственного прагматизма.

Затем последовало возвращение на Русь и кровавая школа выживания. Боголюбского, того самого властного брата, изрубили мечами в собственной спальне его же ближайшие соратники-бояре. Всеволод усвоил этот урок идеально. Сев на престол во Владимире после жесточайшей междоусобицы и разгрома старой элиты, он переформатировал систему. Он первым делом методично помножил на ноль старую родовую аристократию Ростова и Суздаля, заменив их верными, полностью зависящими от него служащими — младшей дружиной и безродными тиунами. Он не терпел конкуренции и не верил в верность по рождению.

Вывод складывался жесткий и однозначный. Через несколько минут перед ним предстанет умный, образованный параноик с блестящим политическим бэкграундом. Прагматик византийской школы, привыкший выживать в ядовитом серпентарии. Затмение выбило двери в его кабинет, но фокусы с небесной механикой удержат внимание Всеволода лишь на короткое время. Византийский воспитанник быстро раскусит пустую мистику и начнет искать рациональное зерно. Чтобы стать для князя незаменимым ресурсом, с ним нужно говорить не на языке религиозного экстаза, а на языке макроэкономики, технологического превосходства и абсолютной монополии на насилие.

Впереди выросли исполинские дубовые ворота детинца. Стража на башнях смотрела на грузную фигуру Анатолия с нескрываемым трепетом. Тяжелые створки с протяжным скрипом распахнулись, впуская чужака на внутренний двор. Гаврила остановился у высокого резного крыльца княжеского терема, судорожно перекрестился и молча кивнул на массивную дверь, обитую красным сукном. Анатолий коротко выдохнул, задвинул все человеческие страхи в самый дальний угол сознания и тяжело шагнул на ступени.

Дверь поддавалась неожиданно легко. Анатолий переступил порог, оставляя за спиной весеннюю слякоть и тревожное безмолвие детинца. Гаврила, тяжело дыша, ввалился следом, инстинктивно стараясь держаться от странного пленника на почтительном расстоянии.

Внутри терем разительно отличался от мрачной, приземистой архитектуры, к которой Анатолий успел привыкнуть за последние дни. Здесь царил простор. Высокие потолки были мастерски стянуты массивными балками, а свет проникал через слюдяные оконца, заливая гладкие, до блеска натертые воском половицы теплой желтизной. Пахло сухими травами, горячим хлебом и тонким, дорогим ладаном — запахами власти и абсолютного благополучия, недоступного простым смертным за стенами замка.

Это был не просто дом — это была приемная самого властителя Русской земли.

Они оказались в обширных сенях, где на длинных резных лавках сидели несколько крепких мужчин в добротных суконных кафтанах — судя по всему, младшая дружина, ожидающая приказов. При появлении Анатолия разговоры мгновенно смолкли. Взгляды, полные суеверного ужаса и жгучего любопытства, скрестились на его грузной фигуре, на его нелепой жилетке и, главное, на стеклянных линзах очков.

Из боковой двери навстречу им вынырнул сухощавый, юркий человек с цепкими крысиными глазками, одетый в дорогой синий шелк. На его груди покачивалась массивная серебряная цепь с ключами — знак высшей административной должности. Огнищанин. Главный управляющий княжеским хозяйством, завхоз и начальник протокола в одном лице.

Гаврила, сдернув с головы шлем, почтительно склонился, комкая его в огромных ручищах.

— Дозволь слово молвить, батюшка Ратмир, — прогудел десятник, косясь на Анатолия. — Привел я его. Того самого, что у Золотых ворот тьму предрекал.

Ратмир остановился в двух шагах, безглаголиво сморщив тонкий нос. Он окинул Анатолия быстрым, оценивающим взглядом, задерживаясь на грязи, присохшей к ботинкам, и на обрывках соломы, торчащих из швов жилетки. В глазах огнищанина не было того первобытного страха, который парализовал стражников. В них читался лишь холодный расчет функционера, привыкшего оценивать людей по их полезности и статусу.

— Вижу, что привел, Гаврила, — голос Ратмира был сухим и скрипучим, как несмазанная тележная ось. — И запах от твоего пророка такой, словно ты его не из поруба достал, а со дна выгребной ямы.

— Так ведь... — начал было оправдываться десятник, но огнищанин остановил его властным жестом.

— Молчи. Князь ждет. И он весьма не в духе. Затмение это проклятое всех бояр до икоты напугало, а Всеволод Юрьевич не любит, когда его люди дрожат от каждой тени.

Ратмир повернулся к Анатолию и, понизив голос, произнес почти в самое лицо:

— Слушай меня внимательно, чужак. Не знаю, каким бесовским знанием ты владеешь, и как солнце спрятал. Но если ты перед князем начнешь кликушествовать да пену пускать, как на торгу делал, я лично велю с тебя шкуру живьем содрать. Понял? Говорить будешь только тогда, когда спросят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.